

КИРИЕШКИ,
ЛЮБОВЬ
И 500 МИЛЛИОНОВ
НА НАВОЗНЫХ
ЖУКОВ

↑
ЛЁД И РАСЧЁТ
(МОЙ ВРЕМЕННЫЙ
СОЮЗНИК)

↑
МАЖОР БАСТАРА
И ПРОСТО МАЛОТ
(НО КРАСИВЫЙ)

РАИСА
ФУФАЙКИНА

НОВОСИБИРСК
СТОЛИЦА
МИРА

КИРИЕШКИ
СУХАРИКИ
БЕКОН

АУДИТ:
✓ Коррупция
✓ Схемы
✓ Лицемеры
✓ Любовники
ЖУКИ? НЕТ!

ФЕРНАНДО-
СНИМАЕТ ВСЁ!

↑
КОРОЛЕВА
ИНТРИГ
(ПРОИГРАЛА
СИБИРИ)

500
ЛИМОНОВ
И

БЕШЕНАЯ
КАНАРЕЙКА

ПЛАН ПОБЕТА:

1. БАБОСЫ ✓
2. ЧЕМОДАН ✓
3. НОВОСИБИРСК ✓
4. ЛЁХА И
КАРТОШЕЧКА ♥

ФИНАЛ:
КАРТОШКА
И СЧАСТЬЕ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СИБИРСКАЯ АУДИТОРША ПРОТИВ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ САНТА-БАРБАРЫ
РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ДЛЯ ТЕХ, КТО УСТАЛ ОТ СОЛЛЕЙ

Раиса Фуфайкина

**500 лимонов и
бешенная канарейка**

«Автор»

2026

Фуфайкина Р.

500 лимонов и бешенная канарейка / Р. Фуфайкина — «Автор», 2026

Светлана Иванова из Новосибирска и не подозревала, что ей причитается часть 500 миллионного наследства перуанского магната. Но у завещания есть условие: год жить в элитном пентхаусе в Лиме с другими наследниками. За ссоры и интрижки — штраф, а деньги уйдут фонду защиты навозных жуков! Соседи по «коммуналке» ещё те: бостонский мажор-плейбой, аргентинский блогер, который снимает на камеру каждый их шаг, ледяной финансист-манипулятор и сводная сестра-истеричка. Но Светка не из тех, кто пасует перед пафосом. Днём она беспощадный аудитор, который голыми руками вскрывает офшорные махинации, а вечером становится центром безумного любовного треугольника. Два роскошных хищника готовы рвать друг другу глотки за право обладать сибирской бестией. Страсти кипят, норковые шубы трещат, а русская смекалка даёт жару латиноамериканскому бомонду. Остроумный, динамичный и очень горячий роман о том, как простая русская девушка устроила перуанским миллионерам настоящий сибирский апокалипсис!

© Фуфайкина Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорямба, господа	5
Глава 2. «Коммуналка на 850 квадратов»	8
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

500 лимонов и бешенная канарейка

Глава 1. Сорямба, господа

Плита из черного полированного мрамора опускалась в семейный склеп под идеальный, отрепетированный шелест импортных роз. Погода стояла отвратительно солнечная — ровно такая, какую дон Хоакин де ла Вега ненавидел больше всего при жизни.

Ему было пятьдесят пять. Он был дьявольски красив, несносно богат и до последнего вздоха умел пить чужую кровь бокалами.

В первом ряду, плечом к плечу, стояла вся шеренга его официального траура. Справа, под вуалью, законная жена Мария изображала такую сокрушительную скорбь, что было ясно: женщину мутит. Лицо ее застыло в гримасе человека, которому под видом святой воды подлили касторку. Она хоронила дона Хоакина, и единственное, что она к нему чувствовала, — тупое раздражение, что этого паскудника вообще пришлось тащить на кладбище, притворяясь скорбящей вдовой.

Рядом — дочь Соледад, 30 лет, в идеальном брючном костюме от креативного директора Yves Saint Laurent, с выправкой королевы и тяжелым каратом в ухе. Чуть позади — ее муж Николас: высокий, безупречный, прагматичный до хруста в суставах, смотрел на гроб так, словно прикидывал, во сколько обошлась эта дубовая коробка и не выгоднее ли было заказать основную.

А чуть поодаль, прячась за кипарисами, рыдала целая делегация его бывших любовниц. Их траур, судя по всему, затянется месяцев на шесть — ровно до тех пор, пока не иссякнут лимиты на картах, которые дон Хоакин держал для них открытыми.

Все они — от Марии до последней любовницы — думали ровно об одном:

«Сдох. Наконец-то этот тиран сдох. Ну и где деньги, Зин?»

Нотариус — сухонький старичок в очках с толстыми линзами по фамилии Вальдес — откашлялся сразу после того, как последняя горсть земли упала на крышку гроба.

— Готовы проехать в кабинет, донья Мария? Все заинтересованные лица должны присутствовать при открытии конверта.

— Какие еще «заинтересованные»? — ледяным тоном уточнила Соледад, поправляя солнцезащитные очки. — Вся семья здесь. Я, мама и Николас.

— Э-э, не совсем, — нотариус нервно поправил галстук. — Сорямба, господа. Но согласно нотариальным спискам... тут у нас ещё целая куча, так сказать, побочного состава — наследников, которые всплыли только сейчас, словно тараканы при включённом свете.

— Какого еще состава? — взвилась Мария.

— Незаконнорожденных, — мягко пояснил господин Вальдес, делая шаг назад, на всякий случай ближе к охране. — К делу подколоты документы: мистер Майкл из Бостона, мистер Фернандо из Буэнос-Айреса... И, э-э-э... Светлана Иванова.

Соледад аж очки с носа сдвинула:

— Кто?! Какая еще Иванова?!

— Из Новосибирска, — сверился с бумагами нотариус. — Светлана. Двадцать пять лет. Документы приложены, тест ДНК подколлот, результат стопроцентно положительный. Дон Хоакин лично внес ее в список основных претендентов.

В воздухе над элитным кладбищем Лимы зависла такая неестественная тишина, что было слышно, как где-то в океане волна бьется о пирс. Николас де Монтерос медленно перевел свой

холодный, пытливый взгляд с нотариуса на список наследников. В его глазах впервые за весь день проскользнул не просто расчет, а настоящий, жгучий азарт.

В кабинете нотариуса Вальдеса кондиционер молотил на полную мощность, но атмосфера раскалилась до температуры доменной печи.

Соледад стояла у панорамного окна, сжав тонкие губы в ниточку. На её идеально уложенных волосах и брюликах в ушах отсвечивали блики солнца, но взгляд мог заморозить весь Перуанский хребет.

— Повторите, — потребовала она, не оборачиваясь. — Какая еще Светка? Из какого... Ново-чего?

— Из Новосибирска, сеньора Соледад, — вздохнул старичок, аккуратно протирая линзы очков. — Светлана Иванова. Двадцать пять лет. К делу приложен полный пакет документов, включая генетическую экспертизу. Дон Хоакин лично заверил её личность за три месяца до смерти.

— Мама, ты слышишь этот бред?! — Соледад резко повернулась к Марии, которая сидела в кожаном кресле с таким видом, будто ей в бокал с шампанским налили уксуса.

— Я слышу только то, что твой отец был кобелем до последнего дня, — невозмутимо произнесла Мария де ла Вега, даже не шелохнувшись под черной вуалью. — Но какая-то русита не получит из этого дома ни цента. Николас, почему ты молчишь?

Николас де Монтерос, сидевший в углу дивана, медленно перевел взгляд от папки с документами на тещу. Его лицо оставалось непроницаемым — гладкая, безупречно выбритая смуглая кожа, темные глаза, прагматичный и холодный рассудок.

— Я молчу, потому что читаю условия, — спокойно ответил Николас. Его низкий голос подействовал на женщин как ушат холодной воды. — И если вы перестанете истерить, то поймете: мы в ловушке.

— В какой еще ловушке?!

Николас поднял один палец и зачитал прямо с гербового бланка:

— «Пункт 4.1. Все четыре наследника — Соледад, Фернандо, Майкл и Светлана — обязаны проживать в Перу и работать в одном холдинге ровно один календарный год. Пункт 4.2. В случае открытых конфликтов, попыток устранения, суда или романтических связей между наследниками... все активы дона Хоакина де ла Вега в размере пятисот миллионов долларов США в полном объеме переходят...» — Николас сделал паузу, уголок его губ едва заметно дернулся, — «...в Международный фонд защиты диких навозных жуков и колорадских личинок».

— Кому?... — опешила Соледад.

— Навозным жукам, Соледад. По миллиону с копейками на каждую личинку, — ледяным тоном подытожил Николас. — И съехать никто не может, вернее, формально проживать допускается где угодно, но работать — строго вместе.

Николас тем временем перелистнул страницу завещания. Его глаза-сканеры зацепились за мелкий шрифт в самом низу, запечатанный красным сургучом:

«Секретное приложение №1. Касательно Светланы Ивановой. Конфиденциально. Вскрытию подлежит только...»

Николас медленно сощурил глаза, будто прицениваясь к товару. В его голове уже выстраивалась первая шахматная партия.

— Где они будут жить?! — с отвращением выплюнула Соледад. — Я не пущу этих бастардов и эту руситу на нашу виллу!

— О, об этом дон Хоакин позаботился, — нотариус достал связку карт-ключей. — У них есть доступ в его холостяцкий двухуровневый пентхаус в башне «Ла-Торре». Восемьсот пятьдесят квадратных метров, отдельный лифт с приватным кодом, собственная терраса. Насколько мне известно, мистер Майкл и мистер Фернандо уже дали согласие там остано-

виться. Сеньорита Иванова — тоже. Они рассудили, что на восьмистах метрах вполне можно разминуться.

Соледад замерла, и в её глазах вспыхнула чистая, неразбавленная паранойя:

— Что?! Они будут жить вместе? В папином пентхаусе?! Без нас?! Да они же там за три дня сговорятся, переделают сферы влияния в холдинге и настроят против нас весь совет директоров!

Соледад резко повернулась к мужу:

— Николас. Собирай вещи. Мы переезжаем в пентхаус.

Николас слегка приподнял бровь, глядя на жену:

— Соледад, у нас трехэтажная вилла в Сан-Исидро с садом и бассейном. Зачем нам перебираться в этот сквот для миллионеров?

— Затем! — зашипела Соледад. — Я не оставлю эту сибирскую выскочку и двух бастардов без присмотра ни на одну ночь! Мы займем главный мастер-люкс на втором уровне. Будем жить с ними дверь в дверь!

Николас коротко ухмыльнулся, оценив масштабы предстоящей катастрофы:

— Ну что ж... Поехали обживать коммуналку.

А в это время в Новосибирске, где градусник за окном показывал скромные +12, Светка Иванова сидела на кухне в уютном махровом халате, дула на горячую жареную картошку и слушала, как мама Валя причитает у плиты, а папа Дима крутит в руках распечатанное извещение от перуанского нотариуса.

— Света, — папа Дима строго посмотрел на нее поверх очков для чтения. — Ты в Телеграме ни на какие опросы не отвечала? Переводы от «Газпром-Инвест» не оформляла?

— Да папа! — Светка отправила в рот ломтик картошки. — Я что, дура совсем? Говорю же, пришло письмо на электронку, потом курьер бумагу принес под роспись. Какой-то Хоакин... Пятьсот миллионов...

— Мошенники, — убежденно махнула рукой мама Валя, подсыпая в завтрак мятую. — Точно мошенники! Сейчас скажут: переведите три тысячи рублей за оформление наследства, и ищи их свищи!

Светка поправила длинную волнистую блондинистую прядь, выбившуюся из пучка, и смерила комнату оценивающим взглядом серо-голубых глаз.

— Мам, пап... А если не мошенники? Если этот перуанский мачо реально решил, что я его дочь?

— Светка, ты сдурела?! — мама Валя чуть чайник не уронила. — Я твоего отца тридцать лет знаю! Какой Перу?! Я дальше Бердска в жизни не ездила!

Светка усмехнулась, но в глубине ее души уже просыпался тот самый сибирский бульдозер. Поехать в Лиму, посмотреть на этих миллионеров, а если посмеют косо посмотреть — объяснить по-нашему, по-новосибирски.

Первый раунд был неизбежен.

Глава 2. «Коммуналка на 850 квадратов»

Двери приватного лифта раздвинулись с тихим, дорогостоящим шуршанием.

Первыми на пятидесятый этаж башни «Ла-Торре» зашли вовсе не наследники, а три чемодана Louis Vuitton и гарсон в белоснежной сорочке, отдувавшийся под их весом. Следом, с видом триумфатора, перешагнувшего порог завоеванного замка, ступила Соледад.

Она остановилась посреди гигантской гостиной, залитой ярким перуанским солнцем. Восемьсот пятьдесят квадратных метров мрамора, панорамные окна с видом на Тихий океан, дизайнерская мебель и авторские статуэтки.

За ней бесшумно вошел Николас. В одной руке — строгий кожаный портфель, пиджак перекинут через локоть. Его прагматичный взгляд за две секунды оценил обстановку.

А обстановка была, мягко говоря, специфической.

На террасе, закинув ноги на плетеный стол, сидел Фернандо. Старший из бастардов, тридцатипятилетний аргентинский фотограф, уже успел превратить половину гостиной в фотостудию: везде были разбросаны кофры, штативы и объективы, а сам он с задумчивым видом пил мате.

У кухонного острова из черного гранита вальяжно прислонился Майкл. Американец успел найти заначку отца, вскрыл тридцатилетний виски, всыпал туда льда и теперь искренне наслаждался жизнью, поигрывая каштановыми кудрями.

Но главное «украшение» интерьера сидело на белоснежном кожаном диване от Minotti.

Светка Иванова. Двадцать пять лет, Новосибирск.

Никакого вечернего макияжа, никакого пафоса. Длинные волнистые блондинистые волосы убраны в небрежный хвост, удобные кеды, серое худи с легкой потертостью на рукаве. Лицо с дороги без грамма косметики — миловидное, чистая кожа, серо-голубые глаза, вроде мордашка симпатичная, но с первого взгляда совершенно не цепляет. Обычная девчонка из соседнего подъезда, каких сотни на улицах.

Рядом с диваном стоял помятый чемодан с ярко-салатовой наклейкой «S7 Airlines», а прямо на кожаном подлокотнике вальяжно расположился шуршащий пакет «Магнит», из которого торчала упаковка влажных салфетках и пачка сухариков.

Светка окинула взглядом залитый солнцем мраморный пол, чуть прищурилась по-сибирски и вслух, никого не стесняясь, произнесла:

— М-да... Мыть этот мрамор — урешьсья.

Соледад застыла на месте. Ее глаза медленно округлились, а пальцы с идеальным маникюром впились в ремешок сумочки. Под идеальным слоем пудры на лице Соледад проскользнула мелкая судорога. Всю жизнь она считала себя единственной принцессой империи «Де ла Вега», а сейчас перед ней сидела девчонка в потертом худи, которая своим присутствием обесценивала тридцать лет ее статуса. Паника комком подступила к горлу: отец обманул ее. Он уравнил ее с этой... никому не известной русской.

— Николас... — сдавшимся голосом произнесла Соледад, едва сдерживая дрожь в голосе. — Скажи мне, что мы ошиблись этажом и попали в хостел для бомжей.

Майкл тихо хмыкнул в бокал с виски, подавляя смешок. Фернандо на террасе прищурился, поднял камеру и щелкнул затвором, поймав в кадр бледную Соледад и спокойную Светку.

— *Que цирк...* — тихо пробормотал аргентинец на испанском, делая глоток мате.

Светка тем временем неторопливо запустила руку в пакет «Магнит», достала сухарик, отправляя его в рот, и оглядела прибывшую перуанскую аристократию с ног до головы.

— Привет, родственнички, — спокойно сказала она, даже не подумав встать с дивана. — Чемоданов-то наташили... Вы на год приехали или жить больше негде?

У Соледад дернулся правый глаз.

— Как ты смеешь так разговаривать?! — зашипела дочь Хоакина, делая шаг вперед. — Ты хоть понимаешь, где находишься?! Это пентхаус моего отца! Какая-то нищая выскочка думает, что может...

— Из Новосибирска, — четко и без нажима поправила Светка, глядя на нее в упор своими серо-голубыми глазами. — И я тут по тому же завещанию, что и ты. Так что голос не повышай, а то жукам пятьсот миллионов улетят раньше, чем мы успеем спальни поделить. Юристы Вальдеса, между прочим, подпишут отчет о нарушении условий при первом же скандале.

Соледад подавилась воздухом.

А Николас... Николас де Монтерос не произнес ни слова. Он медленно положил портфель и пиджак на консоль и подошел к кухонному острову.

Его глаза-сканеры фиксировали детали, недоступные жене. Николас отметил, как Светка держит осанку — никакой суеты, плечи расправлены. В ее движениях не было ни грамма защитной агрессии или попытки понравиться. Никакой лишней жестикуляции. У нее был взгляд человека, который привык к сибирским морозам и точно знает, что если не суетиться — не замерзнешь. В этой девчонке ощущался тяжелый, прагматичный, стальной стержень.

В этот момент на кухонной стойке ожила умная колонка «Алиса», которую Светка уже успела воткнуть в розетку:

— *В Новосибирске сейчас ноль градусов. По вашему запросу включаю: «Розовые розы Свете Соколовой...»*

Светка спокойно дожевала сухарик, взглянула на замершего Николаса и слегка приподняла бровь:

— Чо смотришь, бизнесмен? Садись, сухариками угощу.

В гостиной на секунду повисла такая плотная тишина, что было слышно, как из колонки доносится бодрое: «...светке соколовой, однокласснице моеееей!»

Майкл откровенно ржал, уже не скрываясь. Фернандо на террасе тихо поперхнулся мате. Соледад выглядела так, будто её только что с ног до головы облили ледяной водой из сибирской проруби.

— Николас! — выдохнула Соледад, обретя голос. — Заставь её выключить эту дрянь! И заставь убрать этот... этот пакет с моего дивана!

— Это не твой диван, Соледад, — спокойно отрезал Николас. Он даже не взглянул на жену. Его глаза всё ещё сканировали Светку. — И мы здесь не для того, чтобы делить мебель. Мы здесь, чтобы поделить спальни и не вылететь из игры в первую же ночь.

— О, а вот это уже конструктивно! — Майкл оттолкнулся от кухонного острова и с бокалом виски в руке вальяжной, самоуверенной походкой направился к дивану.

Он двигался мягко, уверенно — настоящий американец с перуанскими корнями, который привык, что женщины тают от одного его наглого взгляда и каштановых кудрей.

Майкл обогнул диван и присел на подлокотник. Прямо рядом с пакетом «Магнит».

— Привет, Светка, — его голос понизился до хриплого, дерзкого полупшепота. В серо-зеленых глазах плясали черти. — А ты ничего. Настоящая. Без этого фальшивого лоска, — он мельком бросил ядовитый взгляд на Соледад и снова уставился на Светку. — Я Майкл. И раз уж нам жить под одной крышей целый год... может, начнем знакомство поближе? В пентхаусе есть потрясающий мастер-люкс с джакузи на втором этаже. Я мог бы показать тебе, как там всё устроено...

Он наклонился чуть ближе, обдав её дорогим парфюмом с нотками табака и ванили, и ослепительно улыбнулся.

Светка даже не моргнула. Она медленно перевела взгляд с его белоснежных виниров на его глаза, чуть накренила голову и прагматично оценила подкатывающего «красавчика».

— Майкл, да? — переспросила она.

— Для тебя — просто Майкл, беби.

— Так вот, Майкл, беби, — Светка аккуратно завязывала ручки пакета «Магнит». — Ты симпатичный, но у меня в Новосибирске таких «обаяшек» — по рублю пучок в базарный день. Если думаешь, что подкатом выбьешь меня из игры, нарушив правило «без отношений», то хрен тебе на рыло, а не пятьсот миллионов. А мастер-люкс забираю я. Я прилетела раньше всех.

Майкл на секунду застыл с открытым ртом. Его прокаченная годами харизма только что врезалась в бетонную стену сибирского пофигизма.

— Что?! — ахнула Соледад. — Это главная спальня! Там должны жить мы с Николасом!

— Кто первый встал, того и тапки, — Светка подхватила чемодан «S7» и пакет. — Четыре спальни на первом этаже — разбирайте. Я пошла в душ.

Она развернулась и пошла к широкой мраморной лестнице на второй уровень, напевая под нос: *«Розовые розы Свете Ивановой...»*

— Николас! Сделай что-нибудь! Она берет главную спальню! — Соледад едва не топала ногами.

Николас де Монтерос медленно проводил взглядом фигуру Светки в сером худи, поднимающуюся по лестнице. Уголок его губ едва заметно дернулся вверх.

— Она права, Соледад, — сухо сказал Николас, бережно беря свой портфель. — Кто первый пришел, тот и забирает лучшие метры. Нам вполне подойдет восточное крыло на первом этаже.

— Ты с ума сошёл?! Ты защищаешь эту русско...

— Я не защищаю, — Николас посмотрел на жену холодным, отрезвляющим взглядом. — Я оцениваю противника. И советую тебе сделать то же самое, пока она не отобрала у тебя председательское кресло в холдинге.

Майкл тем временем отпил виски, глядя вслед Светке, и медленно провел рукой по каштановым волосам. На его лице вместо привычной наглой ухмылки появилось выражение настоящего, жгучего, азартного интереса.

— Черт... — тихо пробормотал американец сам себе. — А девка-то с зубами.

На следующее утро Соледад выплыла в гостиную в шелковом халате от La Perla и, безразлично приподняв пустую пачку от сухариков, оставленную вчера Светкой, буквально взвизгнула:

— Где горничная?! Почему здесь мусор?!

— По правилам Вальдеса, персонал заходит только по пятницам, — ответил Николас, не отрываясь от планшета. — Выброси сама.

В этот момент из своей комнаты вывалился Фернандо в растянутой майке, открыл панорамное окно и громко чихнул.

— Заткни окно! Я заболею от сквозняка! — рявкнула Соледад.

— Накинь фуфайку, сестренка, — подал голос Майкл, выходя из спальни. На нем были только спортивные штаны, а на плече висело полотенце. Он небрежно оперся о косяк, демонстрируя кубики пресса, и подмигнул выходящей из мастер-люкса Светке: — Доброе утро, Сибирь! Как спалось?

Светка шла мимо в скромных трикотажных штанах и футболке, с волосами в крабике и очками на носу. Лицо заспанное, ненакрашенное, будничное.

Майкл перегородил ей дорогу, заодно играя прессом.

Светка даже не притормозила. На ходу, совершенно будничным движением, она коротко и с оттянутым сибирским замахом прописала Майклу лёгкий, но очень ощутимый хук прямо в его выставочный кубик.

Майкл мгновенно согнулся, сдавленно выдохнув:

— Кхм!.. Ты чего?!

Фернандо на террасе от неожиданности чуть мате не пролил и тихо заржал.

Светка спокойно прошагала дальше к кухонному острову и выдала густым, сонным, басыстым голосом:

— Держи удар, салага. И майку накинь, а то продует твои кубики, лечить тебя потом за свой счёт.

Она достала из пакета «Магнит» пачку «Кириешек» и не глядя щедро швырнула её прямо в руки Майклу.

— На, держи, мажор. К твоему вискарю — самое то. А то пьёшь свой солодовый на сухую, потом желудок сожжёшь. Кто за тебя на советах директоров голосовать будет?

Майкл сжал шуршащий пакетик и прохрипел:

— Ты мне только что по печени чуть не прописала!

— Это не печень, это пресс, привыкай, — отрезала Светка, наливая чай. — В Сибири за такие подкаты без майки с утра вообще сразу лопатой по хребту дают. Считай, легко отделался.

Колонка «Алиса» на стойке внезапно подала голос:

— *Продолжаю воспроизведение. Трек: «...светке соколовой любви-и-и-и!»*

Николас спрятал лицо за экраном планшета, потому что уголки его губ впервые за много лет дёрнулись в абсолютно искреннем смешке.

— Соледад, — негромко сказал он. — Налей Майклу воды. Наш американский коллега только что познакомился с сибирской методикой наведения порядка.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.